

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ

В концептуальном интервью об идеологическом мейнстриме и андеграунде политолог Андрей Борисов образно и биологично рассказал о российской политике, а также об офшорных зонах консерватизма и либерализма

Андрей Александрович, применимо ли понятие моды в отношении политических идей и воззрений?

— Начну с того, что мода — это то, с помощью чего можно определить, кто свой, а кто чужой. Мы можем прийти к человеку в гости, посмотреть, что у него на книжной полке, и если на ней такие же книги, как у тебя, ты понимаешь: свой. Мы всегда идентифицируем себя с одними в противовес другим, в том числе и в области политического. мода в данном случае не что иное, как доминирование в ту или иную эпоху определённой идеи. Но сама эта идея базируется на вызовах, которые возникают в социуме. «Вызов — ответ» — вот немудрёная схема, по которой в политике всё происходит.

Кто определяет политическую моду?

— Это делают интеллектуалы: учёные, журналисты, политические консультанты. У первых двух хоть и разные, но довольно схожие задачи. Для них важно не ответить на вопрос, а поставить его, рельефно обозначить. И в этой драматургии вопроса, как правило, кроется половина ответа. Учёным и журналистам важно заставить людей мыслить, другое дело, что не каждый этого хочет. Именно поэтому здесь, как и в кинематографе, есть свой Голливуд и арт-хаус. Почему интеллектуалы не любят Голливуд? Потому что он даёт готовые шаблоны, где нет места для собственных размышлений, где тебе говорят: придерживайся этой модели поведения, и тебя ждёт «happy end», то есть всё просто и понятно. Обыватели не любят арт-хаус как раз за его неоднозначность.

То есть имеется некое интеллектуальное ядро, которое чувствительно к политическим веяниям, но должны быть и те, кто эти тренды подхватит?

— Да, в Соединённых Штатах Америки, например, при каждой политической партии существуют так называемые «мозговые тресты». Они находятся не столько в университетах, сколько в журналах и газетах, которые, по сути, и определяют политическую повестку. Но и сами политики интуитивно, часто не утруждая себя чтением литературы о политических трендах и идеологиях, движутся в соответствии с ними. Возможно, в этом и заключается искусство политика. Интуиция у хорошего политика бежит часто впереди его логики.

От чего зависит смена трендов?

— Она зависит от экономической и моральной ситуации в обществе. И Россия в этом отношении сейчас открытый «кейс» для изучения. К примеру, сегодня у нас в стране модно говорить о патриотизме, но посмотрим, что будет некоторое время спустя на фоне усложняющейся не по дням, а по часам экономической ситуации. Нельзя забывать, что и лимит патриотического запала в любом обществе не безграничен, это ресурс ограниченный. Кроме того, на политическую моду влияют и субъективные факторы. Интеллектуальный багаж очень значим при выборе человеком своего политического поля. Для молодых людей важно читать книги в университетах, где существует наиболее оптимальная интеллектуальная инфра-

**ЛИБЕРАЛЫ НА ЗАПАДЕ
НИКОГДА НЕ ПРОВАЛИ-
ВАЮТСЯ В АНДЕГРАУНД,
ДАЖЕ ЕСЛИ
ПРОИГРЫВАЮТ
НА ВЫБОРАХ**

ОФШОРЫ

структура, где есть люди, которые могут посоветовать нужные книги, разобраться в сложных текстах, где есть место свободному обсуждению и дебатам, где есть среда для роста. Любой университет — это всегда некая интеллектуальная среда, «гумус» для идей. На мой взгляд, наиболее оптимальной дихотомией, «расположением» в политике является консерватизм и либерализм. На её же основе формируются политический мейнстрим и андеграунд. Причём как внутри либерализма, так и консерватизма тоже есть свой свет и подполье. При этом работает правило: кто не был смолоту либералом, вряд ли станет к старости трезвым консерватором. Политические взгляды не статичны, они динамично развиваются и меняются

дача интеллектуального ядра нашей страны — сдвигать традиционализм в сторону консерватизма. Если это удастся, то выиграют все. Андеграундом же у нас является как раз либерализм. И это неспроста, с либерализмом в голове гораздо сложнее жить. Ведь консерватизм даёт человеку чёткие алгоритмы и маячки. В либерализме этого нет. Он загружает нас в компьютерную игру с «открытым миром». Понятно, что нет никаких гарантий выигрыша. Вам никто и ничто не обещает. А проигрывать всегда обидно! Подобная ситуация непредсказуемости давит на психику. Вообще либерал более сложно реагирует на разного рода раздражители, нежели консерватор. Консерватора можно уподобить моржу, лежащему на отмели,

и вторых выстраивается их собственная идентичность. В России всё иначе. Классических партий у нас нет, а то, что есть, можно охарактеризовать словом «квази» — «как бы» партии. И так во всём: как бы экономика, как бы политика, как бы культура. Сплошные симулякры! Существующие политические группировки локально влиятельны и не имеют под собой серьёзной идеологической базы. Дело в том, чтобы стать настоящим, а не интуитивным консерватором или либералом, нужно читать книги, постигая не сюжет, а смыслы. Для усвоения, к примеру, традиционалистских принципов бытия чтения вообще может не быть, оно избыточно. И здесь мы снова возвращаемся к проблеме политической интеллектуальной среды.

добираются только неоконсерваторы (или либеральные консерваторы), что и является основанием для консенсуса с либералами. В результате на таком стыке возникает своего рода офшорная зона политических идей.

Может ли мейнстрим смениться андеграундом?

— Конечно, может! Власть большевиков это прекрасно продемонстрировала. Она смогла провести самую настоящую перекодировку общественного сознания. Им удалось перекодировать соборность в коллективизм. Дальше — больше... Все это напоминает действие мутотогенного вируса, который проникает в клетку и начинает её непредсказуемым образом видоизменять. Вообще смена общественного программного кода — это очень смелая затея с непредсказуемым результатом... Реальная российская политика до сих пор напоминает мне вирусологию, когда до определённого момента нельзя определить, больна клетка или нет, и внешне не очевидны процессы, происходящие в ней. К сожалению, в нашей политике зачастую нет прямой зависимости от запросов общества, у нас всегда кто-то ставит вперёд собственные задачи и не боится при этом разного рода мутаций самого общества.

Почему эту внутреннюю политическую диалектику стало сложно заметить и уловить идеологический спектр политического спектра?

— Сейчас всё в политике построено на диалоговых практиках, а из «мозговых трестов» начинается утечка в другие смежные с политикой области, например в СМИ. И политические идеи сейчас формируются необязательно интеллектуальным ядром, они могут формироваться и в интернете, в обычных социальных сетях. Всё это даёт самые неожиданные варианты воззрений, когда возникает пазлированный микс идей. При этом влияние самих ин-

теллектуальных центров ослабевает, да и сами они размываются. Возможно, если устроить себе «информационный детокс» относительно текущей политической повестки, то разобраться в ней с точки зрения идеологической идентификации станет проще. Кстати, я не уверен, что предложенная мною дихотомия либерализма и консерватизма является всё ещё адекватной, но она точно работает. Сейчас вообще назрело переосмысление политической реальности как таковой. Но при этом политика утратила собственную философию, а все трактаты по ней в основном касаются истории политической мысли. То есть все понимают, что с политикой что-то произошло, но методологически ухватить это и зафиксировать на бумаге пока не удаётся.

А у нас всё ещё проще, к сожалению. В российской политике, по большому счёту, произошло заблачивание самого политического поля. Оно стало вязким, а такого никак нельзя допускать, кажущаяся стабильность и безопасность здесь катастрофически обманчивы. Политическое поле эффективно, когда на нём постоянно происходят схватки. Здесь своя драматургия: более сильные пожирают слабых, затем сильные ослабевают и вот уже и их прикончили. Выживает только здоровое и сильное! А при заблачивании мрут все, потому что среда нездоровая!

Как часто происходит смена цикла и мейнстрим сменяется андеграундом или наоборот?

— В предыдущие эпохи это происходило раз в 100 лет, затем раз в 50 лет, затем раз в 20 лет. Сейчас гораздо быстрее. Но это не означает, что отзвучавшая идея умирает. Ведь если побеждена холера, сама бактерия, её вызывающая, не перестаёт существовать. Она окукливается и сидит в почве до того момента, пока её не занесёт себе в рот кто-нибудь с грязными руками.

Беседовал Максим Черепанов

ЗАДАЧА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЯДРА НАШЕЙ СТРАНЫ — СДВИГАТЬ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В СТОРОНУ КОНСЕРВАТИЗМА. ЕСЛИ УДАСТЯ, ТО ВЫИГРАЮТ ВСЕ

с течением жизни человека. Однако это не отменяет неких доминант в мышлении как таковом: человек склонен к большей консервативности, либо либеральности. Эти исконные и внутренние идеологические установки есть и в России, только они размыты, мало осязаемы.

Что сегодня можно отнести среди политических идей к мейнстриму и андеграунду?

— Сегодня мейнстримом в России является традиционализм. Если рассматривать его в позитиве, то это тяга к своим корням, поиск опоры в своей самости, поворот в сторону института церкви, охранение взгляда на свою уникальность. Но традиционализм — это ещё и защита от чужих, пришлых, непонятных, раздражающих, иннаковых. Тех, кто разрушает понятную картину мира, усложняет её. Традиционализм в целом более агрессивен и примитивен по сравнению с консерватизмом, неотъемлемую часть которого он и представляет. Поэтому за-

который развалился и греется на солнце до тех пор, пока его не ткнут палкой. Но вот это случилось, и как реагирует консерватор? Наотмашь! И вот такая «моржина» на отдыхе и есть самый настоящий традиционалист. Традиционализм рисует чёрно-белую картину мира, которую проще воспринимать, но безрадостнее в ней находиться. Мы не привыкли жить в тумане и боимся неизвестности. А пока мы боимся, то лучше жить не станем, будет только хуже. Страх в политике очень нехорошая вещь, которая дезориентирует и убивает инициативу, а нам сегодня нужна именно инициатива всех и каждого. Кстати, либералы на Западе никогда не проваливаются в андеграунд, даже если проигрывают на выборах. Они всегда остаются на политическом поле, выступая в качестве оппонентов, позитивных критиков. Более того, они нужны и консерваторам. В тех же США республиканцы никогда не «убьют» демократов, потому что в противоборстве первых

А что сегодня является трэшем и андеграундом на Западе?

— Там всё ровно наоборот! Трэш и андеграунд — это традиционализм и национализм. Дело в том, что от традиционализма до его крайних форм в виде фашизма — один шаг. Фашизм — это ситуация, когда экстремизм верхов смыкается с экстремизмом низов. Мне трудно представить себе ситуацию, когда в Кремле начнут думать так же, как шантрапа с городских окраин. На Западе есть понимание, что традиционализм и национализм работают на раскол, а там сейчас это не в чести. Традиционализм необходим политическому спектру, но весьма в ограниченных дозах. Он вызывает бурную реакцию политических сил, относящихся к мейнстриму. Традиционализм работает подобно прививке, вызывающей иммунитет против конкретной болезни. И сила европейских государств и США в том и заключается, что традиционалисты никогда не бывают у власти. До неё